

Герасимова Елена Васильевна

преподаватель кафедры социальных коммуникаций
Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина
Lenger85@yandex.ru

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются специфика взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации. Особое внимание обращается на предлагаемую трактовку пространства коммуникации, политической коммуникации, а также типологию и характеристику форм и видов конфликтного взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации.

Ключевые слова: пространство коммуникации, политическая коммуникация, конфликтные формы взаимодействия, форма обращения, форма протеста, форма угрозы.

В условиях политической модернизации конфликтологическая экспертиза взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации предстает как важная задача социального познания: политическая модернизация представляет собой коренное изменение общественных отношений, которое не всегда приводит к поставленным целям. Достаточно вспомнить историю модернизации России на протяжении последних 5-6 столетий. Характерной особенностью этих периодов российской истории стали периодические срывы модернизации, мощные откаты назад, приводящие к аннулированию достижений.

В своем Послании к Федеральному Собранию Президент Д. Медведев подчеркнул: «Понастоящему современному может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные эволюционные преобразования социальных практик, демократических институтов, представлений о будущем, оценок настоящего, на постепенные, но необратимые перемены в технологической, экономической, культурной областях, на неуклонное повышение качества жизни» [1].

Между тем статистика свидетельствует о низком спросе населения на модернизацию. Это демонстрирует не одно исследование. Социологи Левада-Центра объясняют массовый скепсис граждан тем, что они считают себя исключенными из общественных процессов модернизации [2]. Общество в целом ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям не готово к навязываемым радикальным переменам. Это во многом объясняет, почему модернизационные процессы нигде не протекали гладко; они повсеместно сопровождались острыми конфликтами, порождавшими мощные социальные взрывы.

Неизбежность конфликтов в период модернизации актуализирует необходимость конфликтологической экспертизы политической коммуникации власти и общества. Однако, несмотря на обилие материалов по политической коммуникации, ее соотношение с пространством, разновидностью ее форм и видов, спецификой и ее оптимизацией в условиях политической модернизации, еще не получили должного научного осмысления в социологии.

Наиболее сильными интерпретативными моделями взаимодействия власти и общества располагает социальная теория, в особенности пространственная парадигма, которая

позволила определить методологические основания изучения пространства коммуникации власти и общества. Основной контекст рассуждений строится вокруг идеи символического пространства П. Бурдьё [3, с. 64]. Согласно его концепции социального пространства характеристики взаимодействия власти и общества связаны с символическим осмыслением пространства, наделением его системой социальных смыслов. Взаимодействие власти и общества в пространстве коммуникации представляет собой символическое действие (политическую коммуникацию), направленное на установление легитимного согласия, путем обоснования участником коммуникации своей позиции в терминах общепринятых *ценностных ориентиров* и правил. В свою очередь, пространство политической коммуникации представляет собой – сконструированную *сеть коммуникативных взаимодействий*, которая конструируется в соответствии с логикой различий расхождений.

Применим пространственную парадигму в изучении взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации. При этом особую теоретическую значимость для нас представляет концепция социального пространства П. Бурдьё.

П. Бурдьё считал, что государство располагает монополией не только легитимного физического насилия, как полагал М. Вебер, но и легитимного символического насилия, поскольку способно формировать и культивировать в обществе матрицу социального поведения (устойчивые принципы или схемы восприятия, оценивания, мышления), подобную собственной структуре. Для того чтобы установить легитимное согласие, необходимо выявить некие общие принципы, которые лежали в основании выражения справедливой критики и достижения легитимного согласия. Л. Болтански считает, что принципы справедливости, чувство правды обнаруживают себя в конфликтных формах взаимодействия власти и общества [4, с. 17]. В этом смысле изучение взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации сводится к изучению конфликтных форм коммуникации.

Мы выделяем три уровня пространства политической коммуникации: реальный уровень (прямая политическая коммуникация), медийный уровень (взаимодействие власти и общества посредством СМИ), сетевой уровень (политическая коммуникация в сети Интернет). Рассмотрим формы конфликтного взаимодействия власти и общества на реальном уровне пространства коммуникации. Выбор обоснован отсутствием комплексного исследования по данной проблематике. Мы классифицируем формы коммуникативного взаимодействия власти и общества по накалу конфликтного потенциала: форма обращения, форма протеста, форма угрозы. Выбранное основание для классификации позволит в будущем практическом исследовании определять динамику конфликтного потенциала взаимоотношений власти и общества.

1. Форма обращения. Под обращениями понимаются изложенные в устной или письменной форме предложения, заявления, жалобы, ходатайства, в том числе коллективные обращения и петиции граждан. Политическая коммуникация в этой форме связана в большей степени с контактами власть-население. И проявляется с особенностями осуществления взаимодействий «снизу – вверх» и «сверху – вниз». По мнению Е.В. Осетровой, общение в заданных координатах оценочно окрашено: если инициатива исходит от федеральной власти, контакт желателен и оценивается субъектами в большинстве случаев положительно; если же взаимодействие происходит по инициативе населения, то контакт с местной властью нежелателен или, по крайней мере, напряжен и часто осмысливается отрицательно [5, с. 63].

2. Форма протеста. Активный социальный протест по всей России стал привычным элементом политической жизни. Так, по данным опроса социологов «Фонда общественное мнение» (ФОМ), который был проведен в середине марта 2010 г. в 44 субъектах РФ, 30 % россиян констатировали рост протестных настроений в стране, тогда как месяц назад таковых было 21 %. При этом 29 % граждан в настоящее время заявили о готовности лично принять участие в массовых акциях протеста, 60 % – отказываются. На вопрос социологов о готовности в ближайшее воскресенье выйти на митинги или демонстрации в защиту своих прав 20 %

респондентов ответили утвердительно, 66 % – не намерены протестовать. Это наблюдение позволяет разрушить один из наиболее живучих мифов о гражданах России — *миф о пассивности*. Наоборот, как видно, народ в России живет весьма активной социальной жизнью [6].

3. Форма угрозы (политический вандализм). Под вандализмом чаще всего подразумевают осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Признаками вандализма являются иррациональность действий, а также серьёзный ущерб от этих действий. На бытовом уровне понятие вандализма стало распространяться на повседневные проявления хулиганства, связанные с порчей чужой собственности. Мотивы преступления могут быть различные, например, озлобленность на общество, в целях политической агитации, стремление продемонстрировать свою удалость, проявить себя и т.д. Мы выделяем следующие виды политического вандализма:

Выражается *в учинении различных надписей*, нередко нецензурного характера, на фасадах зданий, на заборах и иных сооружениях, в загрязнении стен домов и других сооружений в населенных пунктах, порче оборудования транспортных средств (сидений, окон и т.д.), лифтов в жилых домах и учреждениях, повреждение и выведение из строя телефонных автоматов, повреждение садового оборудования и аттракционов в парках и совершении других подобных действий. В качестве примера, можно привести аресты и обыски в Комсомольске-на-Амуре. Во время проведения пикета против политики партии «Единая Россия» были задержаны четверо сторонников Э. Лимонова и доставлены в ГОМ-2 города, где им стало известно, что против них возбуждено уголовное дело по ст. 214 ч. 2 («Политический вандализм»), по факту осквернения накануне неизвестными предвыборных баннеров партии «Единая Россия» [7].

2. Уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства. Примером может стать откровенное надругательство над памятью и памятниками основателю советского российского государства. Вот недавние примеры бандитских нападений. В Волгограде памятник Ленину возле завода «Баррикады» был подвергнут глумлению. В Пятигорске Ставропольского края ленинский монумент в городском парке был облит краской, а в Новоалександровске памятник в центре города был разбит. Аналогичный случай политического вандализма имел место в г. Ржеве Тверской области. И вот последний вопиющий факт: в начале апреля 2009 года в Петербурге на площади у Финляндского вокзала был взорван знаменитый памятник, известный под названием «Ленин на броневике» [8].

Предложенную классификацию форм взаимодействия власти и общества можно использовать в качестве оценки конфликтного потенциала взаимодействия власти и общества. Что особенно актуально в период политической модернизации, главной целью которой является формирование гражданского общества. Это понятие означает отсутствие вооруженной конфронтации и других острых форм социального конфликта, способных дезорганизовать общественную жизнь.

Ссылки:

1. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3955.html>. Дата обращения 12.11.2009.
2. Андреева А. Модернизация России глазами россиян. Без особого энтузиазма URL: <http://www.russians.kz/politics/996014-modernizaciya-rossii-glazami-rossiyan-bez-osobogo-yentuziazma.html>. Дата обращения 02.11.1010.
3. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
4. Ковенева О.В. Французская прагматическая социология // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 6-21.

5. Осетрова Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета: гуманитарные науки. 2002. № 2 . С. 62-65.
6. См.: В России нарастают протестные настроения URL: http://news.km.ru/v_rossii_narastayut_protестnye_n. Дата обращения 06.11.2010.
7. Аресты и обыски в Комсомольске-на-Амуре. URL: <http://www.nazbol.ru/rubr1/5502.html>. Дата обращения 02.11.2010
8. Заявление ЦК КПРФ: «О перерастании экстремизма в политический терроризм в России» URL: http://kprf.ru/rus_soc/66008.html. Дата обращения 06.11.2010.